

Глава 1

ЛОНДОН

Если у вас давно не было секса, ждите примерно следующее. Вы будете машинально вздыхать во время сцен поцелуев в фильмах, и эти вздохи и фырканье будут сопровождаться закатыванием глаз, из-за чего вы непременно схлопочете в лоб подушкой с противоположного конца дивана. Еще вы сможете назвать по памяти не меньше трех онлайн-секс-шопов, точно вспомнив тарифы доставки, скорость и надежность. Как минимум два из них вам выдаст поисковик, едва вы введете первую букву названия.

И будьте готовы к тому, что ваша соседка *всегда* будет клянчить у вас батарейки для пульта от телевизора, ручного пылесоса или фонарика, думая, что они у вас есть. Это просто нелепо, потому что все знают, что лучшие игрушки работают либо от сети, либо на аккумуляторах. *Эх, дилетанты.*

Еще с мастурбацией станет все просто замечательно. Я имею в виду, *по-настоящему* замечательно, как у олимпийской чемпионки, если бы существовал такой вид спорта. И секс с самой собой станет единственно возможным вариантом, потому что какой мужчина сможет конкури-

Кристина Лорен

ровать с вашей рукой или мощным вибратором с семнадцатью скоростями?

Побочные эффекты синдрома необщительной вагины становятся особенно заметными, если вас постоянно окружают три самые отвратительно-счастливые парочки. Моя соседка Лола и ее лучшие подруги Миа и Харлоу познакомились со своими половинками во время совершенно безумного и разгульного уикенда в Лас-Вегасе. Миа с Анселем женаты и едва появляются на людях. Харлоу с Финном, похоже, преуспели в сексе посредством зрительного контакта. А Лола со своим парнем Оливером сейчас на таком этапе отношений, когда не могут оторваться друг от друга, а секс у них происходит практически спонтанно. Приготовление ужина превращается в секс. Просмотр «Ходячих мертвецов», кажется, их тоже возбуждает. Какой-то круглосуточный секс! Иногда они просто приходят домой, спокойно болтая о какой-нибудь ерунде, потом внезапно замолкают, глядя друг на друга... и понеслась.

Да, и к слову... Оливер — очень шумный, и у меня появилась реальная возможность узнать, какие плохие словечки популярны в Австралии. Хорошо, что я их обоим очень люблю. Да, люблю всем сердцем. Мы с Лолой познакомились в ту пору, когда изучали изобразительное искусство в Калифорнийском университете. Потом, прежде чем она переехала ко мне прошлым летом, мы пересекались довольно редко, но у меня сразу возникло стойкое ощущение, что я знаю ее всю свою жизнь.

Услышав ее вялое шарканье, я расплываюсь в улыбке. Она появляется со спутанными волосами и все еще покрасневшимся лицом.

— Оливер только что ушел, — с полным ртом хлопьев с изюмом говорю я. — Спотыкаясь, он нарисовался минут

Притягательный дерзкий лжец

десять назад, лохматый и растрепанный и с ошалелой улыбкой. Я дала ему «пять» и бутылку «Гаторейда» на дорожку, потому что после всего этого у него *явное* обезвоживание. Честное слово, Лола, я под впечатлением.

До этого момента было трудно представить, что щеки Лолы могут порозоветь еще сильнее. Хорошо, что я не поспорила на это. Проигрыш был бы обеспечен.

— Извини, — смущенно улыбается она, выглядывая из-под открытой дверцы кухонного шкафа. — Мы, наверное, тебе до смерти надоели, но я уезжаю в Лос-Анджелес.

— Даже *не вздумай* извиняться за то, что милый и потрясающий австралиец опять поимел тебя до потери сознания, — отвечаю я и встаю помыть тарелку. — Я бы испереживалась, не будь этого перформанса каждый день.

— Просто иногда кажется, что до его дома ехать целую вечность, — Лола закрывает шкаф и, размышляя, смотрит вдаль. — Безумие какое-то. Или это мы *безумные*.

— Я попыталась убедить его остаться, — говорю я. — Кстати, я уйду на весь день, а вечером работаю. Так что оставайтесь тут за главных.

— Сегодня опять работаешь? — налив себе воды, удивленно спрашивает Лола, опираясь бедром о стол. — У тебя на этой неделе все вечера заняты?

— Фреду нужны люди, а дополнительные рабочие часы еще никого не убили, — пожимая плечами, объясняю я. Потом, вытерев тарелку, быстренько убираю ее и осведомляюсь: — А тебе разве не нужно доделать панно?

— Нужно, но я с удовольствием поболтала бы с тобой... Но ты ведь постоянно то на пляже, то работаешь...

— А у *тебя* офигенный парень, да и твои дела идут в гору, — отвечаю я.

Кристина Лорен

Лола, наверное, самый занятой человек на свете. Она погружена в редактуру своего нового графического романа «Майский жук» или ездит на съемочную площадку, где экранизируют ее первую книгу — «Рыбу Рэйзор». К тому же ей часто приходится летать — то в Лос-Анджелес, то в Нью-Йорк, то куда-нибудь еще, куда студии или издательству вздумается ее отправить.

— Я знала, что сегодня ты будешь работать весь день, а вечер, наверное, захочешь провести с Оливером, — сжав ее плечо, добавляю я. — И потом, чем еще заняться в такой замечательный день, если не серфингом?

Она ухмыляется, держа чашку у губ.

— Даже не знаю... Ну там, сходить на свидание, нет?

Фыркнув, я закрываю шкаф и комментирую: «Очень смешно».

— *Лондон*, — она толкает меня в бок с серьезным выражением лица.

— *Лола*, — вторю ей я.

— Оливер упоминал о друге, который в скором времени должен приехать из Австралии. Может, нам встретиться всем вместе? — предлагает она, не поднимая взгляд и демонстрируя повышенный интерес к ногтям. — Сходим в кино или что-то вроде того...

— Без вариантов, — говорю я. — Моя дорогая и любимая, мы говорили с тобой на эту тему не меньше десяти раз.

Лола снова смущенно улыбается, а я со смехом выхожу из кухни. Но она идет за мной по пятам.

— Ты не можешь винить меня за легкое беспокойство о тебе, — замечает она. — Ты все время одна и...

Я беспечно отмахиваюсь от нее.

— Вообще-то, быть одной не значит быть одинокой.

Притягательный дерзкий лжец

Как бы ни была привлекательна идея заняться с кем-нибудь сексом, понимание того, что вместе с этим неизбежно приходит и куча проблем, заставляет насторожиться. У меня и без того достаточно людей вокруг — я еле успеваю общаться с Лолой и ее большой дружной компанией, а также их половинками. Мне пришлось постараться, чтобы выучить их фамилии.

— Тебе что, Харлоу шлет мысленные послания?

Лола хмурится, когда я наклоняюсь поцеловать ее в щеку и говорю:

— Не беспокойся обо мне. Я пойду, а то через двадцать минут прилив.

После долго дня, проведенного в мире воды, я повязываю фартук и встаю за барную стойку в местечке, любовно прозванном в народе «Царской гончей». Владелец бара является Фред Фёрли.

Банка с чаевыми наполнена чуть больше чем наполовину, и это означает, что день в целом неплох, но и не настолько безумен, чтобы Фред взял еще кого-нибудь мне в помощь. У одного конца стойки тихо сидит парочка с полупустыми стаканами. Они настолько погружены в разговор, что едва замечают, когда я подхожу ближе. Похоже, им достаточно их напитков. С другой стороны сидят четыре женщины в возрасте. Отмечаю для себя их хорошую одежду, красивые сумочки. Они смеются и, наверное, пришли сюда что-то отпраздновать, что вероятнее всего означает забавное зрелище и отличные чаевые. Делаю себе мысленную заметку подойти к ним через несколько минут.

Мое внимание привлекает доносящийся с дальнего конца бара хриплый смех, и я замечаю Фреда, несущего

Кристина Лорен

несколько стаканов пива группе парней у бильярдного стола. Поняв, что моей помощи тут не нужно, решаю пере-проверить свой инвентарь.

Я работаю у Фреда всего месяц и уже выяснила, что тут, впрочем, как и в любом похожем месте, очень легко влиться в рабочий распорядок. Здесь кругом сверкающие витражи, деревянные панели и кожаные диванчики. И вообще, этот бар в гораздо более хорошем состоянии, чем тот танцевальный клуб, в котором я работала два года во время учебы в колледже. Еще тут полно каких-то мутных типов, но для такой работы это неизбежный недостаток. Не то чтобы я невероятно привлекательная, но у мужчин в голове что-то перещелкивает, когда они видят девушку по ту сторону стойки. В таких случаях даже самые доброжелательные из них в один миг забывают о хороших манерах. Помощников бармена у нас тут нет, так что все приходится делать самой, но Фред — отличный босс, который может даже весело пошутить. Еще он в разы лучше меня умеет общаться с мутными типами. Именно поэтому тех парней у бильярда обслуживает он, а не я.

Обычно я становлюсь дотошной, когда дело доходит до работы, и до начала смены организую все именно так, как нравится мне — нож, два вида пиллеров, мадлер, ручная соковыжималка, фигурный нож, джулеп-стрейнер, барные ложки и мерный стакан. Порядок на столе означает порядок в голове.

В какой-то момент, когда я уже начинаю нарезать фрукты, на стойку облакачивается клиент и просит два «Белых русских» — один со льдом, один без. Я киваю, беру два больших стакана, и тут ко мне сзади подходит Фред.

— Дай знать, если ребяташки будут себя плохо вести, — говорит он, кивком показывая в сторону бильярд-

Притягательный дерзкий лжец

ного стола, где стоит компания и с громким улюлюканьем слушает рассказчика.

Высокие, привлекательные и загорелые, они выглядят типичными студентами Калифорнийского университета, которые тут завсегда. На ком-то футболка с принтом, на ком-то классическая рубашка. Смешивая напитки, я поглядываю в их сторону и, судя по росту, телосложению и загару, делаю вывод, что их хобби — водное поло.

Один из них, темноволосый и с такими губами, при взгляде на которые мысли только о сексе, смотрит на меня, не отводя взгляда. Он хорош собой (вообще-то, если честно, они все там хороши), и что-то в нем заставляет меня снова поднять на него взгляд. Я присматриваюсь внимательно и понимаю, что он непостижимо великолепен, но, к сожалению, с явным самолюбием до небес.

Что-то в нем напоминает мне о прошлом, и я тут же теряю интерес, поворачиваюсь к Фреду и, достав из-под стойки стеклянную банку с надписью «Автомобильный фонд», ставлю ее перед ним.

— Думаю, мы оба знаем, что тебе не стоит обо мне беспокоиться, — говорю я, и он, улыбаясь и покачивая головой, бросает взгляд в сторону банки, пока готовит напитки. — Так значит, сегодня мы с тобой тут вдвоем?

— Думаю, да, — отвечает он и ставит два пива на стойку. — В эти выходные никаких больших соревнований нет, так что будет тихо и малоллюдно. Может, даже успеем сделать переучет.

Я киваю и, закончив с напитками, даю знак подойти, после чего мою руки и оглядываюсь проверить, не забыла ли я что-нибудь сделать. Позади меня кто-то покашливает. Обернувшись, я вижу, что нахожусь в полуметре от глаз,

Кристина Лорен

которые всего пару секунд назад смотрели в мою сторону с того конца бара.

— Чем могу помочь? — с дружелюбной и при этом профессиональной улыбкой вежливо интересуюсь я. Он прищуривается. Хоть его взгляд и не скользит по моему телу, у меня складывается впечатление, что он уже достаточно рассмотрел меня и оценил на предмет секса, как это делают большинство мужчин. По опыту скажу, у них в голове только это и есть.

— Повторите, пожалуйста, — с неопределенным жестом отвечает он.

У него в руке вибрирует телефон, и он что-то быстро пишет в ответ, после чего снова смотрит на меня.

Я достаю поднос. Не знаю, что они заказывали, пока здесь был Фред, но с легкостью могу догадаться.

— «Хайнекен»? — спрашиваю я.

Он прищуривается и делает вид, что оскорблен, от чего я смеюсь.

— Ну ладно-ладно, что-нибудь другое, — виновато подняв руки, говорю я. — Что вы пили?

Присмотревшись к нему, я замечаю, что вблизи он гораздо красивее. Карие глаза обрамлены такими ресницами, при виде которых компании-производители туши отвалили бы приличное состояние, чтобы иметь такую модель. Темные волосы столь мягки и густы, что, я уверена, погрузиться в них пальцами было бы просто *потрясающе*...

Но, думаю, он и сам об этом знает — его уверенность в себе заполняет собой все помещение. Его телефон вибрирует снова, а он, бросив на экран быстрый взгляд, игнорирует сообщение.

— А почему вы предположили мне такую выпивку? — интересуется он.

Притягательный дерзкий лжец

Я кладу на поднос несколько подставок под бокалы и снова пожимаю плечами, пытаюсь пресечь разговор на корню.

— Просто так.

Но покупаться на это он не собирается. Уголок его рта слегка приподнимается, и он говорит:

— Колись, Ямочка.

Почти в тот же момент я слышу «*Черт возьми!*» от Фреда и с готовностью протягиваю руку, в которую он со шлепком вкладывает хрустящую долларовую купюру. Самодовольно ухмыляясь, я кладу ее в банку.

Проследив за моей рукой, парень возвращает взгляд на меня.

— Ух ты. Здорово!

Прочитав этикетку на банке, он спрашивает:

— «Автомобильный фонд»? Что это?

— Так, ничего, — отвечаю я, жестом показываю на сорта разливного пива и пытаюсь перевести разговор: — Так что вы пили, парни?

— Ты только что заработала доллар, но так ничего и не расскажешь?

Я запроляю выбившуюся прядь за ухо, понимая, что он не сделает заказ, пока я не отвечу.

— Все просто — мне повезло потому, что я уже много раз слышала эти «Ямочка — ямочки», — говорю я. На самом деле причина моей однодолларовой удачи в том, что чаще, чем собственное имя, я слышу про них. На щеках у меня глубокие ямочки, и я бы соврала, не признавшись, что это одновременно самая любимая и нелюбимая черта в моей внешности. Вместе с выгоревшими на солнце прядями моих и без того светлых волос и веснушками они делают меня похожей на типаж так называемой соседской

Кристина Лорен

девчонки. Показывая большим пальцем через плечо, я продолжаю: — А Фред не верит, что это происходит так часто, как я ему говорю. И мы решили устроить небольшое пари. Доллар, когда меня называют Ямочкой или упоминают их. Я уже собираюсь купить машину.

— На следующей неделе ставка та же, — где-то позади меня ворчит Фред.

Телефон любопытного парня снова оживает, но на этот раз он на него не отвлекается, даже не проверяет. Вместо этого засовывает его в задний карман джинсов, смотрит то на меня, то на Фреда и улыбается.

А я чувствую, что мне нужна передышка. Прямо сейчас.

Если до этого я думала, что парень красив, то это было просто ничто по сравнению с тем, как сейчас от улыбки преобразилось его лицо. В глазах загорелись огоньки, и все его высокомерие просто... испарилось. Его кожа чистая и загорелая, и женщины, должно быть, гадают, каким же хайлайтером он пользуется, если, окрашивая румянцем его щеки, она практически светится. Заостренные черты лица смягчаются, а в уголках глаз образуются морщинки. Я понимаю, что это всего лишь улыбка, но не могу решить, что мне нравится больше — полные губы, белые идеальные зубы или то, как один уголок рта приподнимается выше другого. Это заставляет меня хотеть улыбнуться в ответ.

Он крутит перед собой подставку для бокала и продолжает мне улыбаться.

— Выходит, ты не считаешь меня оригинальным, — замечает он.

— Я вообще ничего про тебя не считаю, — ухмыляюсь я в ответ. — Но приходится признать, что ты прав, ведь прямо сейчас я опять заработала на этом деньги.

Притягательный дерзкий лжец

Он бегло оглядывает мои щеки.

— Эти ямочки просто потрясающие, и я могу себе вообразить куда худший повод прославиться. Никто не назовет тебя Деревянной Ногой или Бородатой Леди.

Нет, этот парень даже не пытается быть милым.

— Ладно, вернемся к пиву, — говорю я. — Бутылочное, разливное?

— А, это как ты говорила... «Хайнекен»? Ну, пожалуйста, расскажи, с чего ты взяла, что я это заказал? Думаю, мое уязвленное самолюбие заслуживает такую малость.

Я бросаю взгляд ему за спину, где его друзья якобы играют в пул, а сейчас в основном пытаются вдарить друг другу киями по яйцам, и решаю ответить честно.

— Как правило — и под «как правило» я подразумеваю «всегда» — у любителей этого напитка чудовищное самомнение и ноль скромности. Им срочно нужно в туалет, едва подходит официантка со счетом, и еще они обычно тащатся по спортивным тачкам.

Парень смеется и кивает.

— Понятно. Это научное исследование?

Его смех звучит даже мило. Еще он подергивает плечами, и так же глуповато, как *хохотушка*.

— Строжайшее и объективное, — отвечаю я. — Сама проводила клинические испытания.

Он сдерживается, чтобы не захохотать еще сильнее.

— Тогда скажу тебе в утешение, что я на самом деле заказывал *не* «Хайнекен», и вообще-то хотел спросить, что у вас есть, потому что мы только что выпили по Стелле, и мне захотелось чего-то более интересного.

Я сразу начинаю перечислять по памяти:

— «Будвайзер», «Стоун ИПА», «Плиний Старший», «Гиннес», «Аллагаш» и «Грин Флэш».